

Екатерина Мордвинцева

Стирая границы

Екатерина Мордвинцева

Стирая границы

<https://litres.ru/74211413>

Аннотация

Одна ночь карнавала, один взгляд сквозь толпу — и жизнь Кирилла Морозова, хозяина империи, привыкшего всё контролировать, летит под откос. Таинственная незнакомка в серебряной маске исчезает, оставив лишь вкус своей помады и шлейф загадки. Отчаянная охота на призрак из ночного клуба приводит его к невероятному открытию: женщина, что свела его с ума, уже три года работает у него под носом — его безупречной, холодной секретаршей Анастасией. Но сможет ли он завоевать её, когда правда грозит разрушить всё: карьеру, репутацию и хрупкое доверие, которое только начало рождаться между ними?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	30
Глава 5	38
Глава 6	46
Глава 7	54
Глава 8	62
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Глава 1

Тридцать третий этаж офиса «Морозов Консалтинг» остался далеко внизу, вместе с аккуратными рядами светящихся окон, тишиной, нарушаемой лишь шелестом бумаг и стуком клавиатур, и железной дисциплиной, которую Кирилл Андреевич Морозов вдохнул в каждый квадратный метр своего предприятия. А здесь, в клубе «Маска» на бывшей фабричной окраине, царил иной, хаотичный порядок.

Музыка была не просто громкой — она была тиранической. Глубокий бас, выходящий из сабвуферов где-то под полом, не звучал, а вибрировал, заставляя дребезжать стаканы на стойке и передаваясь вверх по позвоночнику, словно низкочастотный ток. Мелодия, нагромождение синтезаторов и сэмплов, била по барабанным перепонкам, настаивая на своем, вытесняя любую мысль, сложнее «двигайся-глотай-чувствуй». Кирилл чувствовал эту вибрацию в коренных зубах и сжимал челюсти, пытаясь создать хоть какой-то внутренний бастион против натиска.

Он стоял, прислонившись к краю массивной барной стойки из черного мрамора, и пальцами, привыкшими сжимать ручку кресла или страницу отчета, обхватывал толстый бокал для виски. «Гленфиддих», восемнадцать лет. Его «старый друг», как он мысленно его называл, единственная уступка слабости, которую он себе позволял и которая здесь,

в этом вавилонском столпотворении, казалась жалкой попыткой сохранить опору. Лед уже почти растаял, превратив золотистую жидкость в прохладную, водянистую субстанцию.

Его проклятия, адресованные Олегу Игоревичу Волкову, были тихими, ритуальными и от этого еще более ядовитыми. Они текли ровным фоном в его сознании, под аккомпанемент музыки.

«Расслабься, Кир, ты не на допросе! — орал тот ему в ухо еще в лифте, насильно натягивая на него темно-синий пиджак вместо черного рабочего. — Карнавал! Масок купил, лучшие в городе. Все приличные люди там будут. А ты у меня, я смотрю, в законченного отшельника превращаешься. Компьютер скоро на «ты» начнет с тобой разговаривать».

«У меня завтра...»

«Завтра суббота! Мир подождет. Ты же меня вытащил когда-то из той истории с долгами? Считай, я возвращаю долг. Долг по человечности».

И вот он здесь. Его темный костюм от Brioni, идеально сидящий на широких плечах и подчеркивающий спортивную фигуру, скрытую годами сидения за столом, здесь кричал. Он кричал «контроль», «власть», «расчет». Среди моря нарочитой небрежности — мятых шелковых рубашек нараспашку, кожаных курток, броских платьев, облегающих тела как вторая кожа, — он был белой вороной. Или, скорее, слишком ухоженным, слишком отглаженным хищни-

ком, случайно забредшим на шумный птичий базар. Маска, которую Олег сунул ему в руки — черная бархатная полумаска, — валялась у него в кармане, мнусь. Надевать ее он наотрез отказался. Притворство было его рабочим инструментом на переговорах, и он презирал его в чистом, бесцельном виде.

Он отвел взгляд от центрального танцпола, где Олег, в маске венецианского дожа с горбатым носом, уже вовсю вращал в танце какую-то рыжую бестию в костюме лисицы. Его другу было легко. Олег жил в этом ритме, дышал этим воздухом. Кирилл же вдыхал сложную смесь: дорогой табак с сигарной веранды, сладковатую тяжесть духов «Черный Опиум», проступающий сквозь них соленый запах человеческого пота, дым марихуаны, едва уловимый из темных коридоров, и под ним всего — запах денег. Старых, новых, легких, тяжелых. Это место пахло возможностями, но не теми, что решались в свете дня за дубовыми столами.

Он медленно обвел взглядом зал, аналитически, как оценивал потенциального конкурента. Интерьер играл в «богемную роскошь»: бархат цвета спелой сливы на диванах, зеркала в позолоченных, причудливо изогнутых рамах, отражающие и умножающие хаос, приглушенный свет бра в форме комедийных и трагических масок, бросающий неровные пятна на лица и тела. И сами маски — везде. Перья, блестки, бархат, позолота. Лица, спрятанные за улыбками Януса. «Все просто, — думал Кирилл с холодным внутренним скеп-

сисом. — Надел маску — и ты уже не бухгалтер Петров, а таинственный незнакомец. Сбросил ответственность вместе с лицом».

Он сделал последний глоток виски, уже почти безвкусный, и почувствовал, как тепло разливается по желудку, не достигая, однако, скованного льдами сознания. Его взгляд, двигаясь по периметру, выхватывал и анализировал сцены: парочка, слившаяся в поцелуе в тени колонны; группа подвыпивших мажоров, заказывающих у бармена бутылку «Анжелус» с фейерверком; одинокий мужчина в углу, жадно смотрящий в экран телефона, — его маска съехала на лоб. Мир суеты и побега.

И тогда его взгляд, почти уставший от этого калейдоскопа, наткнулся на точку абсолютного спокойствия.

В самом дальнем углу, в нише между тяжелой бархатной портьерой и колонной, обшитой темным деревом, стояла она. Ее силуэт был подобен паузе в громкой симфонии. Платье — декольте «лодочка», длинные рукава, прямой крой до пола — могло бы сойти за аскетичное, если бы не материал. Черный шелк, но такой плотности и глубины, что он не просто поглощал свет, а играл с ним. При каждом едва заметном дыхании, при малейшем смещении тела, по ткани пробежали переливы, словно по поверхности ночного озера, тронутого легчайшим ветерком. Шелк струился, жил своей жизнью, обрисовывая, но не выпячивая линии бедер, изгиб талии.

Волосы, темные как смоль, были убраны с безупречной,

почти архитектурной точностью в низкий пучок у затылка. Ни одной выбившейся пряди — только совершенная гладь. И от этого еще более поразительной казалась одна-единственная тонкая нить, выскользнувшая из-под маски и спадавшая по длинной, лебединой шее. Эта шея... Она была не просто красивой. Она была гордой, уязвимой и невероятно выразительной. На ней не было ни единого украшения, будто сама кожа, бледная в призрачном свете, была достаточным декором.

Но венчало этот образ, конечно, маска. Не бутафория, не карнавальная безделушка. Это было ювелирное изделие. Изысканная полумаска из матового серебра, покрытая таким тонким, почти воздушным кружевным узором, что он казался морозным налетом на металле. Она закрывала лоб и верхнюю часть скул, оставляя свободными лишь глаза — их цвет был невозможен разглядеть в полутьме, только два темных, глубоких озера — и нижнюю часть лица. Губы. Ровные, с четким, естественным контуром, без следов помады. Они казались мягкими и в то же время невероятно твердыми, сжатыми в легкой, задумчивой складке. И ямочка на подбородке — маленькая, упрямая точка, добавляющая лицу строптивости.

Она не танцевала. Не кокетничала взглядом с барменом. Не листала телефон. Она просто находилась. Держа в длинных, тонких пальцах узкий бокал для шампанского, она наблюдала. Так же, как и он. Но в ее позе не было его скован-

ности, его внутренней войны с окружающей средой. В ней читалась спокойная, почти царственная отстраненность. Она была не участницей, а зрителем на этом спектакле. Островом безмятежности в самом центре шторма.

Кирилл замер. Аналитический ум, который секунду назад сортировал впечатления по полочкам, дал сбой. Мысли прекратили свой бег. Он просто смотрел. И в этот момент, будто почувствовав тяжесть его взгляда на себе, она медленно, не меняя позы, подняла глаза из-под серебряных ресниц маски.

Их взгляды встретились.

Это не было мимолетным скольжением взора по толпе. Это был луч, пробившийся через весь зал — через мельтешение танцующих тел, сквозь клубы искусственного дыма, мимо ярких вспышек света. Он попал прямо в цель. Ее взгляд был неожиданно прямым, пронзительным, лишенным игривого блеска или намеренного приглашения. В нем была лишь чистая, незамутненная констатация факта: «Я тебя вижу. Я заметила тебя, стоящего там, у бара. И я изучаю тебя».

Кирилл не отвел глаз. Сработал не разум, а что-то более древнее, спящее в нем под грузом обязанностей и цифр. Инстинкт хищника, встретившего равного? Или просто человеческое любопытство, вырвавшееся на свободу? Он позволил своему взгляду ответить ей той же мерой. Не нагло, не как владелец, оценивающий лот, но с немым, жестким вопросом: «И кто ты? Что ты здесь делаешь, если явно принадлежишь

другому миру?»

Она не улыбнулась. Только чуть склонила голову набок, словно рассматривая сложную математическую формулу или редкую бабочку под стеклом. Свет от одного из бра, стилизованного под плачущую маску, упал на серебряную плоскость, и кружевной узор вспыхнул на мгновение сеткой холодных искр. Затем ее губы — эти загадочные, ненакрашенные губы — дрогнули. Уголки рта приподнялись на миллиметр. Это не была улыбка. Это было признание. Почти невидимое кивание: «Да, я тоже тебя вижу. И да, ты здесь так же лишний, как и я. Мы оба притворяемся, что нам здесь место, и оба знаем, что это не так».

Она медленно, с невероятной грацией, поднесла бокал к губам. Ее пальцы обхватили ножку изящно, без напряжения. Она сделала маленький, почти церемониальный глоток, и ее горло слегка дрогнуло. Глаза за маской не отпускали его ни на секунду. Время сжалось, превратилось в плотный, тягучий мед. Эти пять, десять, пятнадцать секунд молчаливого диалога перевесили весь предыдущий час тоски и раздражения. Вокруг них продолжал бушевать карнавал: гремела музыка, взрывался смех, кто-то разбил бокал, и девушка визгливо засмеялась. А они стояли на разных полюсах шумной вселенной, соединенные только этим невидимым мостом из взглядов.

Потом, будто закончив тихую беседу, она так же плавно опустила бокал. И, не опуская ресниц, не делая резкого дви-

жения, отвела взгляд. Не потому, что испугалась или потеряла интерес. Нет. Она просто закончила фразу. Ее внимание вернулось к пространству перед собой, к стене, к своим мыслям. Она слегка повернулась, представив ему лишь чистый, невозмутимый профиль: прямой нос, упрямый подбородок с ямочкой, линия щеки, скрытая серебром. Она снова стала загадкой, статуей, островом.

И Кирилл вдруг почувствовал, как воздух снова врывается в его легкие. Он замер, не осознавая, что задержал дыхание. В его ушах снова зазвучала музыка, но теперь она была просто шумом, белым шумом на заднем плане. Дискомфорт, гложавший его с самого начала вечера, исчез. Его сменило что-то острое, живое, натянутое как струна. В груди забилось что-то горячее и беспокойное. Пустой бокал в его руке вдруг показался непростительно легким, ненужным.

Он не думал. Разум, который всегда все просчитывал на пять шагов вперед, молчал. Действовало что-то иное. Он поставил бокал на мрамор стойки с глухим, решительным стуком, который никто не услышал в общем гуле. Потом оттолкнулся от барной стойки, выпрямившись во весь свой немалый рост. Его тело, привыкшее к эргономичным офисным креслам, двинулось вперед с новой, незнакомой целеустремленностью.

Он шагнул в гущу танцпола, отсекая взглядом мельтешащие вокруг тела, не обращая внимания на удивленный оклик Олега где-то сбоку. Его мир сузился до тонкого луча внима-

ния, нацеленного на тот дальний угол, на черный шелк и холодное серебро. На призрак, который только что без единого слова, одним лишь взглядом, предъявил ему счет. И Кирилл Морозов, человек, привыкший всегда платить по своим счетам, двинулся вперед, чтобы узнать цену.

Глава 2

Пространство между барной стойкой и темным углом у портьеры оказалось не расстоянием, а испытанием. Каждый шаг Кирилла через гущу танцпола был подобен движению против сильного течения. Тела, раскачивающиеся в такт музыке, смыкались перед ним и расступались за спиной, оставляя в воздухе шлейф из тепла, алкоголя и смешанных ароматов. Его плечо задело чье-то мокрое от пота плечо, локтем он отстранил пьяного юношу в маске попугая, который пытался его обнять. Внутренний голос, только что оглохший, теперь прорезался сквозь гул, резкий и саркастический: «Что ты делаешь, Морозов? Одинокая девушка в клубе. Банальнее не придумаешь. Она ждет тебя? Нет. Она посмотрела — и отвернулась. Иди верни бокал, найди Олега и поезжай домой, в тишину».

Но ноги не слушались. Они несли его вперед с упрямой настойчивостью. Его тело, обычно подчиненное железной воле, действовало на автономном режиме, ведомое тем самым прямым, изучающим взглядом, который все еще жгл его кожу, будто оставив невидимый отпечаток.

И вот он оказался перед ней. С близкого расстояния она казалась еще более нереальной. Серебряная маска была безупречно отполирована, и в ее кружевных прорезях он видел не глаза, а глубокую тень, из которой на него смотрели два

темных пятна — спокойные и всевидящие. Шелк ее платья при движении дыхания издавал едва уловимый шелест, похожий на шорох крыльев ночной птицы. Он уловил ее аромат — не духи, а что-то легкое, почти неуловимое: холодный цветочный след, смешанный с запахом чистого тела. Что-то вроде пиона и свежего льна.

Они стояли друг перед другом в молчании, которое было громче всего вокруг. Кирилл понял, что не подготовил ни одной фразы. Все его коронные вступительные речи на переговорах — от вежливо-холодных до напористо-агрессивных — здесь рассыпались в прах. Он был просто мужчиной, подошедшим к женщине в клубе. И от этого он чувствовал себя удивительно молодым и неловким.

Она первой нарушила паузу. Не словами. Легким, почти незаметным движением она поставила бокал на маленький столик у колонны. Затем ее взгляд скользнул по его фигуре — от лица (он почувствовал, как под этим взглядом напряглись мышцы челюсти) до темного пиджака, застегнутого на все пуговицы, и обратно. Ее губы снова дрогнули в том же призрачном полунамеке на улыбку.

И она кивнула. Один раз, коротко, в сторону центра зала. Это было не приглашение. Это был вызов. «Справишься?» — словно говорил этот кивок.

Музыка сменилась на другую композицию. Ритм стал чуть медленнее, чувственнее, с протяжным, томным вокалом. Бас по-прежнему бил в пол, но теперь он был похож на

сердцебиение огромного, темного существа.

Кирилл, не раздумывая больше, протянул руку. Не раскрытую ладонью вверх, в галантном жесте. Нет. Он протянул руку, согнутую в локте, предлагая не помощь, а союз. Жест был твердым, почти повелительным, каким он отдавал распоряжения. В последний момент он поймал себя и смягчил его, позволив пальцам расслабиться.

Она посмотрела на его руку, затем снова подняла глаза на его лицо. В ее взгляде мелькнуло что-то — оценка, любопытство, тень иронии. Затем она приняла его предложение. Ее пальцы легли на его ладонь и предплечье. Прикосновение было прохладным, легким, но не невесомым. В нем чувствовалась скрытая сила. Электрический разряд, быстрый и жгучий, прошел от точки контакта прямо в грудную клетку. Он сжал ее руку чуть сильнее, чем планировал, и повел ее на танцпол.

Оказаться с ней в гуще толпы было иным опытом. Теперь он не пробивался сквозь нее, а существовал внутри, сформировав вокруг них обоих невидимый кокон. Он поставил одну руку на ее талию, поверх скользкого шелка. Материал был тоньше и нежнее, чем казался издавна. Под ним он ощутил тепло тела и упругость мышц. Она не обняла его за шею, как делали бы другие. Ее свободная рука легла ему на плечо, чуть выше бицепса. Пальцы едва касались ткани его пиджака, но это легчайшее прикосновение было для него ярче любого объятия.

Они начали двигаться. Кирилл не был искусным танцором. Его движения были сдержанны, немного угловаты, подчиненные не столько музыке, сколько внутреннему ритму, который задавало ее близкое присутствие. Она же двигалась с потрясающей, интуитивной грацией. Ее тело отзывалось на каждый полутональный перелив музыки, каждый удар барабанов. Она не танцевала для него, она танцевала рядом с ним, и это было в тысячу раз соблазнительнее.

Расстояние между ними было правильным для публичного места, но каждый микрон этого пространства был насыщен напряжением. Ее дыхание, ровное и спокойное, иногда касалось его шеи, когда она чуть поворачивала голову. Запах пиона и льна смешивался с его собственным, более резким, древесно-пряным ароматом одеколона и волнением.

Он чувствовал каждую точку контакта: ее рука в его руке, его ладонь на ее талии, ее кончики пальцев на его плече. Они были островами стабильности в медленно вращающемся мире. Внезапный толчок со спины заставил его сделать шаг вперед, сократив и без того минимальную дистанцию. Его бедро на миг коснулось ее бедра через слой шелка. Она не отпрянула. Только слегка замерла, и он почувствовал, как под его ладонью напряглись мышцы ее спины. Это было не отторжение. Это была реакция — такая же мгновенная и животная, как и его собственная.

Он наклонил голову, его губы оказались в сантиметре от ее уха, скрытого гладью волос. Он должен был что-то ска-

зять. Любое слово, чтобы разорвать это громовое молчание, которое грозило взорвать его изнутри.

— Вы часто приходите сюда... гулять по краю? — прозвучал его голос. Он был ниже, грубее, чем он ожидал, заглушаемый музыкой, но явно различимый для нее.

Она медленно отклонила голову назад, чтобы встретиться с ним взглядом. В прорезях маски он увидел блеск. Ирония. И что-то еще.

— А вы? — ее голос донесся до него. Он был не таким, каким он его себе представлял. Не высоким и звонким, а низким, немного хрипловатым, как дым после долгого молчания. В нем была та же усталая, насмешливая нотка, что и в ее полуулыбке. — Похоже, вы чувствуете себя здесь, как полярный медведь в джунглях. Потерянным, но... решительно настроенным.

Он не смог сдержать короткого, почти невежливого выдоха — смеси раздражения и признания правды.

— Меня затащил друг. С миссией «очеловечить».

— И как, процесс идет? — спросила она, и ее пальцы на его плече слегка сжали ткань. Мимо них пронеслась пара, и ее плечо снова прижалось к его груди. На этот раз она не отстранилась.

— Неожиданно, — честно признался он, глядя прямо в темные прорези маски. — Вы сбиваете все планы.

Она рассмеялась. Звук был тихим, приглушенным, но он почувствовал его вибрацию всем телом, как будто она смея-

лась где-то внутри него. Это был сбивающий с толку, волнующий звук.

— О, я мастер по сбою планов. Особенно у тех, кто слишком уверенно себя ими окружает.

— Это диагноз? — парировал он, и его собственная рука на ее талии невольно потянула ее чуть ближе на следующем повороте.

— Наблюдение, — поправила она. Ее голос стал еще тише, она наклонилась так близко, что ее губы почти коснулись его уха. Ее шепот обжег его, как пар. — Вы держитесь за свою неприступность, как за щит. Бойтесь, что без него вас раскусят за пять минут и найдут внутри что-то... обыкновенное.

Его задело за живое. Не потому, что это было неправдой, а потому, что было правдой настолько личной, что ее не имел права знать никто, тем более незнакомка из клуба.

— А вы что, специалист по раскушиванию? — спросил он, и в его голосе зазвучала опасная жесткость.

— Смотря что скрывается под оболочкой, — она откинулась назад, чтобы снова взглянуть на него, и ее глаза в тени маски казались бездонными. — Иногда под маской из правил и галстуков прячется не серая масса, а... просто человек. Который забыл, как им быть.

Они кружились в медленном водовороте, и свет стробоскопов выхватывал их из темноты обрывками: его сжатые кулаки на ее спине, ее гордый изгиб шеи, серебряный блеск на

ее лице. Каждый случайный толчок, каждое движение в такт теперь были предлогом для прикосновения. Его рука скользнула чуть выше на ее спине, его пальцы коснулись голой кожи там, где начинался вырез платья. Она вздрогнула, но не как от неожиданности, а как от удара током. Ее рука с его плеча переместилась, и ее ладонь легла ему на грудь, поверх сердца, будто проверяя его бешеный ритм.

— А вы не забыли? — выдохнул он, глядя на ее губы, такие близкие.

— Мы все что-то забываем, — прошептала она в ответ. Ее дыхание смешалось с его. — И что-то вспоминаем. Иногда в самые неподходящие моменты.

Она внезапно остановилась, хотя музыка еще играла. Ее рука медленно соскользнула с его груди. Она отступила на полшага, разрывая контакт. Воздух между ними снова стал ледяным и пустым.

— Кажется, я устала от этого танца, — сказала она, и ее голос снова стал отстраненным, тем, каким был в начале. Но в нем слышалось сожаление. Или предостережение.

Кирилл стоял, чувствуя, как ладонь, только что согретая ее телом, немеет от холода. Он хотел удержать ее, сказать что-то, что заставит ее остаться. Но слова застряли в горле. Он лишь кивнул, жестко, потеряв всю свою привычную уверенность.

Она повернулась, чтобы уйти, и в этот момент ее плечо снова, в последний раз, коснулось его руки. Прикосновение

было мимолетным, но оно прожигало ткань рукава, как раскаленное железо. Затем она растворилась в толпе, направляясь не к выходу, а вглубь клуба, к лестнице, ведущей на более приватный уровень.

Кирилл остался стоять посреди танцпола, одинокий остров в море движущихся тел. Запах пиона и льна еще витал в воздухе, смешанный теперь с запахом ее волос и его собственного возбуждения. Его тело помнило каждую точку, где она его касалась. Его ухо горело от ее шепота. А в голове, вместо привычного списка дел на завтра, звучал один-единственный вопрос, настойчивый и безумный: «Кто ты?»

Теперь это был уже не просто интерес. Это была охота.

Глава 3

Она не оглянулась, чтобы проверить, идет ли он за ней. В ее движении была уверенность кошки, знающей, что ее рано или поздно последуют. Кирилл, отбросив последние сомнения (рациональный голос в голове теперь просто истошно вопил где-то на заднем плане), пошел следом.

Он видел, как черный шелк ее платья мелькнул у основания лестницы из темного дерева, ведущей на второй ярус. Здесь, у входа, стоял импозантный мужчина в идеальном смокинге и простой черной полумаске — не привратник, а скорее страж. Он оценивающе взглянул на Кирилла, на его деловой костюм, но, заметив, кого тот преследует, молча отступил в сторону, пропуская его. Этот немой жест красноречиво говорил: она здесь своя. Или, по крайней мере, ей здесь рады.

Поднявшись по лестнице, Кирилл попал в иной мир. Грохот танцпола остался внизу, превратившись в приглушенный, ритмичный гул, похожий на отдаленный прибор. Здесь царила полутьма, нарушаемая лишь светом настольных ламп под абажурами из темно-красного стекла, отбрасывавших на стены кроваво-багровые пятна. Воздух был прохладнее, пахло старым деревом, дорогим коньяком и табаком настоящих сигар, а не сигарет. Несколько глубоких диванов и кресел были расставлены так, чтобы создавать приватные уголки. В

некоторых уже сидели пары и компании, разговоры велись негромко, почти заговорщически.

Она выбрала самый дальний угол, за тяжелой портьерой, почти полностью скрывавшей небольшой столик и два кресла из темной кожи. Когда Кирилл вошел вслед за ней за занавес, она уже сидела, откинувшись в кресле, ее силуэт растворялся в тенях. На столе перед ней стоял свежий бокал шампанского — видимо, ее заказ уже был известен.

— Присаживайтесь, полярный медведь, — ее голос прозвучал из темноты, все с той же легкой, утомленной иронией. — Вы заслужили передышку от джунглей.

Кирилл опустился в кресло напротив. Кожа прохладно приняла его спину. Он чувствовал себя одновременно на вершине мира и в ловушке. Этот уголок был идеален для откровений, но он ничего о ней не знал. Он снял пиджак, с облегчением почувствовав свободу движений, и бросил его на подлокотник. Под пиджаком оказалась простая серая рубашка, уже немного помятая.

— Вы, кажется, знаете правила этой игры лучше меня, — сказал он, глядя на смутные очертания ее лица в тени.

— Это не игра, — возразила она, и бокал в ее руке замер на пути ко рту. — Это просто... другая реальность. Где можно быть не тем, кем тебя назначили. Хотя бы на несколько часов.

— Вы назначали себя кем-то другим? — спросил он, ловя себя на том, что вглядывается в ее губы, пытаясь угадать

выражение.

— Все мы это делаем. Каждый день. Просто здесь это оформлено... материально. — Она сделала глоток. Свет лампы упал на ее руку, на тонкие запястья и длинные пальцы без колец. — А вы? Кто вы здесь, Кирилл Андреевич? Кроме как полярного медведя в неволе.

Он вздрогнул. Он не представлялся.

— Вы знаете мое имя.

— Ваш друг у барной стойки кричал его достаточно громко, пытаясь уговорить вас остаться. Он очень экспрессивен.

Олег. Конечно.

— А ваше? — спросил он прямо.

— В этой реальности? — она парировала вопросом. — Пусть будет... Тенью. Или Серебром. Выбирайте, что вам ближе.

— Вы избегаете вопросов, — констатировал он, но без прежней жесткости. В его голосе прозвучало скорее уважение к мастерству.

— Я задаю более интересные. Например, какая книга лежит у вас на прикроватном столике в данный момент?

Вопрос был так неожидан, так далек от всего, что он мог предположить, что он рассмеялся. Коротко, хрипло.

— Вы проверяете, есть ли у медведя кроме щита еще и библиотека?

— Проверяю глубину, — просто сказала она.

И он, к своему удивлению, ответил. Честно.

— «Сто лет одиночества» Маркеса. Перечитываю.

В темноте он уловил едва заметное движение ее головы

— кивок одобрения.

— Хороший выбор для одинокого человека в толпе. Магический реализм как лекарство от излишнего рационализма. А вы верите, что Ремедиос Прекрасная могла вознестись на небо прямо во время глажки белья?

— Я верю, что в этом мире есть вещи, которые не поддаются ни логике, ни экономическим моделям, — сказал он, и слова вышли сами, без цензуры. — И что иногда белье, даже идеально выглаженное, не может удержать на земле то, что создано для полета.

Она замерла. Затем тихо рассмеялась, и этот смех был другим — теплым, без иронии.

— Отлично сказано. Почти поэтично. Вы меня удивляете.

— Взаимно, — пробормотал он. — Я не ожидал, что разговор в клубе пойдет так далеко от курсов акций и погоды.

— Акции — это скучно. Погода — банально. А вот путешествия? — она перевела разговор, словно перелистывая страницу. — Если бы у вас был неограниченный билет в одну точку мира, прямо сейчас, куда бы вы отправились?

Кирилл задумался. Его последние «путешествия» были деловыми поездками в Лондон и Цюрих, где он видел только аэропорты, отели и конференц-залы.

— Не знаю, — признался он с непривычной прямоотой. — Возможно, в какое-нибудь забытое место в Норвегии, где нет

сигнала и можно услышать, как тает ледник.

— Одиночество снова, — заметила она, но не осуждающе. — А я бы полетела в Японию. Не в Токио, а куда-нибудь на юг, в Окинаву. Чтобы увидеть океан, который на рассвете кажется сделанным из жидкого хрусталя и розового золота. И чтобы попробовать настоящий удун — лапшу, которую едят там веками, и от которой не толстеют, потому что она пропитана солнцем и солью ветра.

Он слушал, замороженный. Ее слова рисовали картины, яркие и чувственные. Она говорила не как турист, а как человек, чувствующий кожей души места.

— Вы были там?

— Нет, — она покачала головой, и серебряная маска блеснула в красном свете. — Но я прочитала об этом достаточно, чтобы мечтать было почти реально. А вы читали Мураками?

Так начался их разговор. Он длился, казалось, минуты, а пролетел, возможно, час. Они перескакивали с тем на тему, как по горячим камням через ручей. От японской литературы — к классическому джазу (она предпочитала Колтрейна, он — Майлза Дэвиса). От джаза — к абстрактной живописи (она говорила о цветовых полях Ротко с таким знанием, что он заподозрил в ней искусствоведа). Она цитировала на память стихи Цветаевой и Бродского, ее голос становился тише и выразительнее, когда она говорила о строках, которые «цепляли за живое».

Кирилл был поражен. Глубоко. В его мире люди говорили

о конкретике. О цифрах, контрактах, стратегиях. Даже Олег, его лучший друг, в разговорах «по душам» редко выходил за рамки воспоминаний о студенчестве и обсуждения женщин. А эта женщина, эта тень в серебряной маске, мысленно парила на таких высотах, о которых он почти забыл. Ее ум был острым, как бритва, но без злобы. Ироничным, но не язвительным. Она не пыталась его переиграть или унижить, как это иногда бывало в интеллектуальных дуэлях. Она... делилась. Приоткрывала дверь в свой внутренний мир, и он был полон света, красок и неожиданных поворотов.

— Вы удивительный человек, — сказал он наконец, откидываясь в кресле. Он заказал себе коньяк, и теперь согревал бокал в ладонях. — Я не могу вас классифицировать.

— И не пытайтесь, — ее ответ был мягким, но твердым. — Я не товар для сортировки. И не проект для анализа.

— Что вы тогда? — спросил он, и в его голосе прозвучала неподдельная, почти мальчишеская жажда узнать.

Она помолчала, глядя куда-то поверх его головы, в темноту за портьерой.

— Я... человек, который очень устал от предсказуемости. Который ищет искру в обыденном. И иногда находит ее в странных местах. Вроде этого клуба. Или в разговоре с незнакомцем, который, кажется, забыл, как говорить не о бизнесе.

— Вы заставляете меня вспоминать, — признался он. Его защита, его «щит», о котором она говорила, теперь лежал

где-то у его ног, бесполезный и забытый. Он чувствовал себя обнаженным, но по иронии судьбы, именно она оставалась скрытой. Маска все еще была на месте, загадочная и прекрасная.

— Это хорошо, — она повернула к нему лицо. Свет лампы упал прямо на серебряную плоскость, и он увидел в прорезях свои собственные отражения — два крошечных, искаженных Кирилла, пойманных в ее мире. — Значит, миссия вашего друга отчасти удалась.

— Он не имел в виду ничего подобного, — Кирилл покачал головой. — Он имел в виду... более примитивные формы «очеловечивания».

— А это разве не она? — она спросила просто. — Быть уязвимым. Допускать, чтобы кто-то видел твои интересы, твои сомнения... частичку твоей души, не прикрытую титулами и отчетами?

Он не нашелся, что ответить. Она снова поставила его в тупик. В лучшем смысле этого слова.

Она взглянула на тонкие часы на его запястье, которые он неосознанно выставил на свет, поправляя рукав.

— Уже поздно. А завтра... у всех нас есть свои «завтра», полные обязанностей и масок попроще.

Она поднялась. Ее движение было плавным, но окончательным. Кирилл вскочил, не желая, чтобы это заканчивалось.

— Я могу... мы можем... — он споткнулся о слова. «Я

могу тебя проводить? Увидеть твое лицо? Узнать твое настоящее имя?»

— Нет, — она сказала мягко, но так, что не оставалось пространства для спора. — Эта реальность заканчивается здесь, у этой портьеры. За ней — лестница вниз, в общий зал, а потом — выход в обычный мир. Туда, где мы, возможно, даже никогда не встретимся.

— Это жестоко, — вырвалось у него, и он сам удивился этой вспышке эмоций.

— Это необходимо, — поправила она. Она стояла совсем близко, и он снова почувствовал ее запах, смешанный теперь с ароматом коньяка и старой кожи кресел. — Иногда одна совершенная ночь, один идеальный разговор — это все, что нам дано. И попытка протянуть это во времени... может все испортить.

Она протянула руку. Не для рукопожатия. Она легонько коснулась кончиками пальцев его руки, лежавшей на спинке кресла. Прикосновение было прощальным и в то же время запечатывающим что-то навсегда.

— Спасибо, Кирилл Андреевич. За то, что были настоящим. Хотя бы ненадолго.

И затем она повернулась и вышла из-за портьеры, растворившись в полутьме VIP-зоны, не оглянувшись ни разу.

Кирилл остался один. Тишина вокруг была теперь оглушительной. На столе стояли два пустых бокала — от шампанья и коньяка. В воздухе витал ее аромат и призрак ее слов.

Он опустил обратно в кресло, чувствуя странную опустошенность и одновременно — невероятную полноту. Он только что пережил один из самых ярких разговоров в своей жизни... с призраком. С женщиной, чьего лица он так и не увидел. Чьего имени не узнал.

Он сжал кулаки, чувствуя, как где-то глубоко внутри, под грудью профессионального циника и контролера, зародилось что-то новое. Не просто вожеление. Не просто любопытство. Что-то более опасное и неконтролируемое. Что-то вроде тоски. И решимости.

Она думала, что это конец. Идеальная капсула времени. Но для Кирилла Морозова это было только начало. Он не мог позволить этому остаться просто «идеальной ночью». Он должен был найти ее. В реальном мире. Без масок.

Он потянулся к своему пиджаку и достал из внутреннего кармана телефон. Экран осветил его решительное, жесткое лицо. Он набрал номер частного детектива, с которым иногда работал по бизнесу, но положил трубку, не дождавшись гудка. Нет. Сначала Олег. Владелец клуба. Камеры. Есть следы, их нужно идти.

Он встал, надел пиджак, почувствовав его невыносимую тяжесть и тесноту — словно он снова облачился в броню, которую только что сбросил. Но внутри уже горел огонь, для которого не было предусмотрено пожаротушения.

Глава 4

Тишина после ее ухода была не просто отсутствием звука. Это была плотная, вязкая субстанция, заполнившая пространство за портьерой. Она давила на барабанные перепонки, контрастируя с приглушенным гулом зала внизу, который теперь казался отсветом другого, примитивного мира. Кирилл сидел в кресле, пальцы все еще сжимали теплый бокал, но коньяк в нем уже не согревал, а лишь напоминал о неловкости жеста — пить в одиночестве после такого разговора.

Ее слова висели в воздухе: «Иногда одна совершенная ночь... это все, что нам дано». Они звучали как приговор. Красивый, поэтичный, но бескомпромиссный.

«Нет, — прорвалось у него внутри, глухо и яростно. — Не согласен».

Это был не просто протест желания. Это был вызов всей его натуре, всему его существованию, построенному на принципе: если что-то ценно, это нужно взять под контроль, структурировать, присвоить. Ее философия мимолетного совершенства была для него анархией. Прекрасной, завораживающей, но неприемлемой.

Он вскочил, отшвырнув пиджак, который снова пытался надеть. Тяжелая портьера колыхнулась от его резкого движения. Он должен был ее догнать. Сейчас же. Пока ее след

не растворился в клубном хаосе, пока она не исчезла в ночи, превратившись в воспоминание.

Выскочив из-за занавеса, он окинул взглядом полутемную VIP-зону. Несколько пар в дальних уголках, смутные силуэты. Ее нигде не было. Адреналин, горький и острый, ударил в кровь. Он почти побежал к лестнице, сбегая вниз, не обращая внимания на удивленный взгляд стража у входа.

Танцпол встретил его новой, еще более агрессивной волной звука и тел. Свет стробоскопов резал глаза после уютного полумрака. Он крутился на месте, отчаянно вглядываясь в мельтешение лиц, закрытых масками. Черные платья, серебряные аксессуары — везде. Она исчезла.

«Выход. Она сказала про выход», — пронеслось в голове.

Он пробивался к главному выходу, грубо расталкивая людей, вызывая возмущенные возгласы. Его сердце колотилось с частотой бас-бочки. Каждый потерянный момент казался катастрофой.

И тогда он увидел ее. Не у выхода, а в узком коридоре, ведущем, судя по всему, в служебные помещения или к запасному выходу. Она стояла, прислонившись к стене, освещенная лишь аварийным зеленоватым светом таблички «EXIT». Ее голова была склонена, одна рука прижимала ко лбу пальцы, как будто она пыталась стереть головную боль или слишком сильную эмоцию. Это была поза усталости, даже слабости — то, чего он не видел в ней за все время.

Он замер в нескольких шагах, вне ее поля зрения, наблю-

дая. Ее совершенная, отстраненная маска на миг дала трещину, и в этом было что-то невероятно интимное и хрупкое. Затем она выпрямилась, глубоко вздохнула и снова стала той самой «Серебряной Тенью» — прямой, гордой, недостижимой.

Именно в этот момент он шагнул вперед.

— Подождите.

Она вздрогнула и резко обернулась. В зеленоватом свете ее маска выглядела призрачной, почти зловещей, но глаза в прорезях вспыхнули — не страхом, а ярким, живым удивлением, смешанным с досадой.

— Вы?... Я думала, все сказано.

— Не все, — его голос прозвучал хрипло от быстрого бега и напряжения. Он приблизился, нарушая дистанцию, и она не отступила, только подняла подбородок в знакомом жесте вызова. — Вы не можете просто... бросить это в воздух, как фейерверк, и ждать, пока оно погаснет.

— Почему нет? — ее ответ был тихим, но твердым. — Так даже красивее. Без послевкусия разочарования.

— А если я не хочу красоты? — Он стоял теперь так близко, что снова чувствовал ее запах — пион, лен, и теперь еще что-то, похожее на ночную прохладу, принесенную с улицы. — А если я хочу послевкусия? Какого угодно. Горького, сладкого, неважно. Но реального.

Она смотрела на него, и в ее взгляде шла борьба. То самое «что-то», что он заметил в коридоре — усталость, сожаление.

ние, жажда — боролось с железной волей к контролю.

— Это ошибка, — прошептала она, но в ее голосе не было убежденности.

— Тогда пусть, — выдохнул он, и его руки сами потянулись к ней, не спрашивая разрешения.

Он коснулся ее плеч. Шелк под его пальцами был прохладным и скользким, но тело под ним — горячим, живым, напряженным как струна. Она замерла, не сопротивляясь, но и не откликаясь. Ее взгляд, прикованный к его лицу, был полон внутренней бури.

— Снимите маску, — попросил он, и его голос прозвучал почти как мольба. — Хочу видеть, с кем разговариваю. Кого хочу...

Она медленно покачала головой.

— Нет. Это часть условий. Часть этой... капсулы.

— Тогда я приму условия, — сказал он, и его пальцы скользнули с ее плеч вдоль шеи, к основанию черепа, к небрежному пучку волос. Он чувствовал, как мелкая дрожь пробежала по ее телу под его ладонями.

Мир сузился до этой точки в зеленоватом полумраке грязного коридора. Исчез гул музыки, запах дыма и пота, само пространство клуба. Остались только ощущения, нахлынувшие с такой силой, что перехватило дыхание.

1. Вкус. Когда его губы нашли ее, он ожидал горечи, протеста. Но ее губы были мягкими, податливыми, и на них был едва уловимый, тонкий вкус. Не помады — она не пользова-

лась ею. Скорее, вкус дорогого бальзама для губ с оттенком ванили и чего-то терпкого, вроде черной смородины. Сладковатый, охлаждающий, уникальный. Этот вкус мгновенно врезался в память, став меткой, химической подписью.

2. Запах. Вблизи ее аромат раскрылся новыми нотами. Тот же пион и лен, но теперь, когда его лицо было погружено в пространство у ее шеи и щеки, он уловил теплые, глубокие оттенки кожи — чистую, почти молочную ноту, смешанную с легкой солоноватостью волнения. И шелк. Запах дорогого, нового шелка, который пахнет не магазином, а чем-то древним и роскошным, вроде сандалового дерева.

3. Звук. Ее тихий, прерывивый вздох, когда он углубил поцелуй. Не стон, а скорее звук капитуляции, обрыва внутренних запретов. И его собственное сердцебиение, громкое, как барабаны в ушах.

4. Осязание. Шелк ее платья под его пальцами, скользкий и сопротивляющийся одновременно. Тепло ее тела сквозь него. Ее волосы, шелковистые и плотные, когда его пальцы впились в пучок, пытаясь притянуть ее еще ближе. Ее спина под его ладонью, гибкая и сильная, мелкие позвонки, которые он чувствовал через ткань. И ее руки — они сначала повисли в воздухе, а затем поднялись и впились пальцами в ткань его рубашки на груди, цепко, будто она тонула, а он был единственной опорой.

Поцелуй не был нежным. Он был голодным, требовательным, полным того самого «желания послевкусия», о котором

он говорил. Это была попытка вобрать в себя всю ее загадку, всю ту интеллектуальную и эмоциональную бурю, что она в нем вызвала, перевести ее на язык плоти. Это была битва и слияние одновременно.

Она ответила ему. Сначала осторожно, почти испытующе. Затем с той же яростью, которая сквозила в ее ироничных репликах. Ее зубы слегка прикусили его нижнюю губу, вызывая короткую, острую боль, смешанную с наслаждением. Ее язык встретился с его, и это было как продолжение их диалога — теперь на примитивном, древнем наречии.

Время потеряло смысл. Они могли простоять так минуту или десять. Зеленоватый свет аварийной лампы мерцал, отбрасывая их сцепленные тени на бетонную стену.

Именно она прервала это. Не резко, а медленно, отрываясь от его губ миллиметр за миллиметром, как будто преодолевая силу гравитации. Ее дыхание было сбившимся, горячим на его коже. Его руки не хотели отпускать, но она положила свои ладони ему на грудь, создавая барьер.

— Довольно, — прошептала она, и ее голос дрожал. — Этого... уже слишком много для одной ночи.

— Не бывает «слишком», — возразил он, его лоб прикоснулся к ее лбу поверх холодного металла маски. Он чувствовал исходящее от нее тепло. — Только «мало».

— Для вас, может быть, — она покачала головой и отстранилась окончательно, выскользнув из его объятий с той же грацией, что и на танцполе. Ее пальцы нервно поправили

сбившийся пучок волос. Шелк платья шелестел, как вздох.
— Мне нужно идти.

— Имя, — потребовал он, шагнув вперед, но она подняла руку, останавливая его. В этом жесте была непререкаемая властность.

— Нет. Только это. Только поцелуй. Как последняя глава нашей книги. Закройте ее и поставьте на полку. Пусть будет прекрасной.

— Я не умею закрывать книги, — сказал он с горькой прямоотой. — Я их анализирую, перечитываю, ищу скрытые смыслы.

— Тогда ищите, — бросила она через плечо, уже поворачиваясь к запасному выходу. Ее силуэт в свете «EXIT» казался ирреальным. — Но не во мне.

И она нажала на металлическую ручку двери. Холодный ночной воздух ворвался в коридор, закрутил подол ее платья. Она шагнула в темноту, не оглядываясь. Дверь с мягким шипением гидравлики захлопнулась за ней.

Кирилл остался один в зеленоватом полумраке. На его губах горел отпечаток ее вкуса — ваниль, черная смородина, что-то невыразимо ее. Его пальцы помнили текстуру шелка и теплоту ее тела. В ушах стоял звон от внезапной тишины, нарушаемый лишь далеким битом.

Он поднес пальцы к собственным губам, как бы проверяя реальность случившегося. Да, это было. Это было настолько интенсивно, что стерло все предыдущие впечатления вечера.

Танец, разговор — все стало прелюдией к этим нескольким минутам в грязном коридоре у запасного выхода.

Она ушла. Не оставив имени, не показав лица. Но оставив на нем клеймо. Невидимое, но жгучее.

Он медленно разжал кулак, который неосознанно сжал. И понял, что отныне у него есть новая, самая важная и самая безумная цель в жизни. Он найдет эту женщину. Он узнает ее имя. Он увидит ее лицо.

И тогда он закроет эту книгу. Или откроет новую. Но это будет решать уже он.

С этими мыслями, с вкусом ее на губах и огнем одержимости в крови, Кирилл Морозов повернулся и пошел обратно в грохочущее сердце клуба, чтобы найти Олега и начать охоту. Первый этап ночи, полный неожиданностей и откровений, закончился. Начинался второй — упорный, рациональный и безжалостный поиск призрака, который только что обжег его душу.

Глава 5

Солнце, пробивавшееся сквозь панорамное окно пентхауса, было безжалостным хирургом. Оно резало длинными, пыльными лучами, выхватывая из полумрака комнаты детали: строгие линии современной мебели, идеальную поверхность полированного паркета, бар с коллекционным виски, похожий на музейную витрину. Обычно Кирилл любил это утро — время тишины, планов, ощущения контроля над начинающимся днем.

Сегодня утро было пыткой.

Он лежал на широкой кровати, не раздеваясь, поверх шелкового покрывала. Все еще в той же серой рубашке, помятой и пропахшей теперь смесью клубного дыма, его одеколona и... ее. Того едва уловимого шлейфа пиона и льна, что застрял в волокнах ткани где-то у ворота, где ее пальцы впились в него. Рукава были закатаны до локтей, галстук валялся где-то на полу вместе с пиджаком.

Он не спал. Не мог. Его сознание, обычно кристально ясное по утрам, было похоже на разбитый калейдоскоп. Осколки вчерашнего вечера врезались в мозг снова и снова, не складываясь в картину, а лишь ранил:

Темные озера глаз за серебряной решеткой.

Шелест шелка при повороте.

«Вы держитесь за свою неприятность, как за щит...»

Зеленоватый свет на бетонной стене.

Вкус. Ваниль. Смородина. Жизнь.

И поцелуй. Не как целостное воспоминание, а как серия шокирующих физиологических ударов, которые он чувствовал до сих пор. Его губы горели — не воспалением, а памятью о давлении, о текстуре ее губ. Кончик языка искал на небе тот самый терпковатый оттенок, который она оставила. Ладони, лежащие на одеяле, помнили точный изгиб ее талии, тепло кожи у основания шеи. В груди была странная, ноющая пустота, как будто кто-то вынул оттуда привычный, холодный камень самоконтроля, и теперь там гулял ветер.

Это было хуже похмелья. Это был абстинентный синдром от реальности, от той дозы чистой, неразбавленной жизни, которую он получил вчера. И его организм, отравленный годами рутины, теперь требовал новую дозу. Требовал ее.

Он сел на кровати, провел руками по лицу, ощущая щетину. В зеркале напротив отразился мужчина с запавшими, горящими глазами и жестко сжатым ртом. Не успешный сорокалетний бизнесмен. А кто-то другой. Охотник. Или раненый зверь.

Звонок телефона разрезал тишину, заставив его вздрогнуть. На экране — «Олег». Кирилл схватил трубку, его пальцы сжали пластик так, что хрустнуло.

— Ну что, начальник, как пережил возвращение в мир мертвых? — раздался жизнерадостный, слегка хриплый от недосыпа голос. — Я тебя вчера потом искал, смылся ку-

да-то! Нашел, значит, приключений?

Голос Олега был как наждак по нервам. Кирилл закрыл глаза, пытаясь собраться.

— Олег. Ты знаешь владельца «Маски».

На другом конце провода повисла короткая пауза.

— Приветствия пропустим, ясно. Да, знаю. Артем. Старый знакомый. А что?

— Мне нужна встреча с ним. Сегодня. Сейчас.

— Стой, стой. С какой радости? Тебе клуб не понравился? Хочешь жаловаться на музыку? — в голосе Олега зазвучала настороженность.

— Не клуб, — Кирилл говорил сквозь зубы, контролируя каждый слог, чтобы не сорваться на крик. — Вчера. Там была женщина. В серебряной маске, черное шелковое платье. Я должен ее найти.

Пауза на этот раз была длиннее и красноречивее.

— Охренеть, — тихо, почти с уважением произнес Олег. — Так вот куда ты смылся. Ну, брат, поздравляю, приобщился. Но, Кир, это же карнавал. Там все в масках. Это, понимаешь, такой концепт. Утром ты просыпаешься, и это как сон...

— Это не сон, — перебил его Кирилл, и в его голосе прозвучала такая сталь, что Олег замолчал. — И это не «просто женщина». Я должен ее найти. Мне нужны камеры. Списки гостей. Все, что есть.

— Ты слышишь себя? — голос Олега стал серьезным, без тени шутки. — Ты требуешь нарушить приватность заве-

дения высшего уровня. Ты хочешь, чтобы Артем, который, между прочим, серьезный человек, выложил тебе данные го-
стя? Ты в своем уме? Что она там, кошелек с твоими черно-
виками контрактов стащила?

Кирилл встал и начал метаться по комнате. Его тень, длинная и угловатая, мелькала на стенах.

— Это важнее любого контракта.

— Важнее? — Олег засмеялся, но смех был нервным.
— Кир, ты не спал? Ты вчера что, кроме виски, еще чего употребил? Очнись! Ты Кирилл Морозов. У тебя компания, сделка с Алферовым через неделю, двадцать проектов на столе! А ты мне тут про какую-то девку из клуба, которую увидел один раз!

Слово «девка» вонзилось в Кирилл, как нож. Оно оскорб-
ляло, унижало ее, сводило всю сложность, весь блеск, всю
боль вчерашнего к пошлой интрижке.

— Не смей так ее называть, — прорычал он в трубку так тихо и опасно, что Олег снова замолчал. — Ты ее не видел. Ты с ней не говорил. Ты... ничего не понимаешь. Это не «дев-
ка». Это...

Он запнулся, пытаясь найти слова, способные передать Олегу, что произошло. Но как передать откровение? Как объяснить слепому, что такое цвет?

— Это то, чего не было. Никогда. И теперь это есть. И я не могу просто сделать вид, что этого нет. Я не могу.

В его голосе, всегда таком уверенном, прозвучала хрип-

лая, незнакомая нота. Почти отчаяние. Олег услышал ее. И его тон сменился.

— Слушай, дружище... — он заговорил мягче, как говорят с ребенком или с сумасшедшим. — Я тебя понимаю. Ну, в общих чертах. Баба обалденная, химия, все дела. Но это было вчера. Ночь. Маски. Это как красивая сказка. Не тащи ее в дневной свет, она рассыплется. Займись лучше делом, отвлекись. К вечеру забудешь.

«Забудешь». Это слово было самым страшным. Кирилл с ужасом осознал, что боится именно этого. Что яркость ощущений потускнеет. Что вкус на губах выветрится. Что она превратится в красивый, но размытый эпизод. И это было невыносимо. Это было хуже, чем никогда ее не найти.

— Я не забуду, — сказал он с ледяной, неопровержимой уверенностью. — И я не прошу тебя понять. Я прошу помочь. Как друг. Не как бизнес-партнер. Позвони Артему. Договорись о встрече. Любой ценой.

— «Любой ценой», — с издевкой, но уже беззлобно, повторил Олег. — Ладно, черт с тобой. Позвоню. Но, Кир, будь готов. Во-первых, он может отказать. Во-вторых, даже если покажет камеры — ты же сам видел, там полутьма, маски. В-третьих... даже если ты найдешь какую-то зацепку — что ты будешь делать? Придешь к ней домой? «Здравствуйте, мы целовались вчера в подворотне клуба, давайте продолжим»? Ты же не школьник.

— Что я буду делать — это мое дело, — отрезал Кирилл.

— Твоя задача — встреча.

Олег тяжело вздохнул.

— Я позвоню. Но не гарантирую ничего. И, Кир... — он снова помолчал. — Будь осторожен. Иногда то, что мы ищем в других, на самом деле ищем в себе. А находим... не всегда то, что ожидаем.

Кирилл не ответил на эту псевдомудрость. Он просто бросил:

— Жду звонка в течение часа.

И положил трубку.

Телефон выпал из его ослабевших пальцев на кровать. Он подошел к окну, упираясь ладонями в холодное стекло. Внизу просыпался город. Машины, люди, движение — гигантский, бездушный механизм. А он стоял здесь, на вершине своей стеклянной башни, с огнем безумия в груди и призраком на губах.

Олег был прав в одном: это было иррационально. Безумно. Не по-взрослому. Но именно поэтому это и было важно. Вся его жизнь была выстроена по законам рации. Каждый поступок, каждое слово взвешены и просчитаны. А вчера... вчера был сбой в программе. Свободное падение. И он обнаружил, что хочет падать дальше. Несмотря ни на что.

Он обернулся, его взгляд упал на смятую рубашку. Он подошел, поднял ее к лицу и глубоко вдохнул. Да, он все еще мог уловить тот шлейф. Слабый, ускользающий. Скоро он выветрится навсегда.

«Нельзя», — прошептал он про себя, сжимая ткань в кулаке.

Он не позволит этому выветриться. Он законсервирует этот момент. Он материализует призрак. Он найдет ее. Если не через Олега и владельца клуба, то другим путем. Частные детективы. Анализ привычек, стиля, манер. Она не была случайной посетительницей. У нее был вкус, деньги, интеллект. У нее была биография. А биография оставляет следы.

Он подошел к своему рабочему столу, включил ноутбук. Экран осветил его решительное, аскетичное лицо. Он открыл чистый документ и начал набирать. Не отчет. А досье.

«Приметы: женщина, 25-35 лет. Рост ~ 172-175 см. Стройное телосложение. Длинная шея. Темные волосы, убраны в низкий пучок. Голос — низкий, хриловатый, с ироничными интонациями. Образование, судя по речи и темам разговора, — высшее, вероятно, гуманитарное или связанное с искусством. Знает литературу (Маркес, Мураками, Цветаева, Бродский), джаз (Колтрейн), живопись (Ротко). Говорит о Японии (Окинава) со знанием деталей. Вкус: не пользуется яркой помадой, бальзам с ванилью/смородиной. Парфюм — цветочно-свежий, пион, лен. Одежда: дорогой черный шелк, серебряная маска ручной работы. Поведение: уверенное, отстраненное, ироничное, контролируемое, но способное на эмоциональные всплески...»

Он печатал, и с каждым словом призрак становился чуть более осязаемым. Из набора ощущений она превращалась в

список характеристик. В задачу. В цель.

Телефон снова зазвонил. Олег.

— Ну, я поговорил с Артемом. Он, мягко говоря, в недоумении. Но... он согласился. Из уважения ко мне и... из любопытства к тебе. Ты стал легендой, Кир. «Тот тип в костюме, который ищет Серебряную Леди». Встреча сегодня в пять, у него в клубе, до открытия. Один. Без адвокатов и телохранителей, шутит он.

— Хорошо, — коротко бросил Кирилл. Сердце забилося чаще, но теперь от азарта. Первая зацепка.

— Ты в порядке? — снова спросил Олег, уже без иронии.

— Нет, — честно ответил Кирилл. — И не буду, пока не найду.

Он положил трубку и снова взглянул на экран. На список. На портрет, который начал складываться из слов.

Охота была объявлена. Он не знал, куда его заведет этот путь. Не знал, что найдет в конце. Но он знал одно: назад пути нет. Вкус ванили и черной смородины на его губах был не только памятью. Он был обетом. Клятвой, данной самому себе в зеленоватом свете запасного выхода.

Он не искал любви. Он искал продолжения. Инакомыслия в своем упорядоченном мире. Он искал ее. Любой ценой.

Глава 6

Офис «Морозов Консалтинг» на тридцать третьем этаже башни «Северный Кристалл» был образцом стерильной эффективности. Стекло-бетонные стены, сквозь которые лился холодный свет зимнего утра, отражались в идеально отполированном бетонном полу. Минималистичная мебель из светлого дуба и стали, белые стены, на которых висели лишь строгие черно-белые фотографии архитектурных проектов. Тишину нарушали только приглушенный гул системы вентиляции, тиканье настенных часов дизайна «Браун» и негромкие, отточенные звуки работы: щелчки мышей, стук клавиатур в open space, бормотание кого-то по телефону в переговорке.

Это был храм разума. Храм, где Кирилл Андреевич Морозов был верховным жрецом. Обычно, переступая порог своего кабинета, он чувствовал прилив четкой, холодной энергии. Здесь все подчинялось логике, все имело значение, и он держал в голове каждый винтик этой сложной машины.

Сегодня храм был чужим.

Он сидел за своим массивным столом из цельного слэба дуба, заваленным папками. Перед ним был развернут отчет по компании «Алферов Индастриз» — документ на двести страниц, насыщенный цифрами, графиками, анализом рисков. Работа его команды, безупречная, как всегда. Две недели назад он проглотил бы этот документ за пару часов, вы-

цепив малейшие нестыковки, родив десяток стратегических решений. Сейчас буквы плыли перед глазами, сливаясь в серую, бессмысленную рябь.

Он пытался сконцентрироваться. «Коэффициент долговой нагрузки, страница 47...». В голове вместо цифр всплывал зеленоватый свет и блеск серебра на скуле. «Прогноз денежного потока на следующие пять кварталов...». В ушах звучал низкий, хриловатый голос: «Вы держитесь за свою неприступность, как за щит...».

Кирилл с силой откинулся в кресле, заставив его жалобно скрипнуть. Он провел руками по лицу, чувствуя, как щетина (он забыл побриться, что было немыслимо раньше) трется о ладони. Взгляд его, беспокойный и острый, как у пойманного волка, автоматически метнулся к двери.

Дверь в его кабинет была закрыта. Она была из матового стекла, и сквозь нее виднелся смутный силуэт приемной и частично — рабочего стета его секретаря, Анастасии Сергеевны Орловой. Он не видел ее самой, только тень движения, иногда — край светлого пиджака или темные волосы, собранные в аккуратный узел на затылке.

Узел.

Его сердце сделало один тяжелый, глухой удар. Не в такт тиканью часов.

У нее тоже были волосы, собранные в низкий пучок. Безупречно гладкие. С одной выбившейся прядью...

Он резко отвернулся, поймав себя на этой абсурдной па-

раллели. Миллион женщин носят волосы в пучок. Это ничего не значит. Это профессиональная, строгая прическа. У Анастасии она всегда идеальна. Ни одной выбившейся пряди. Полная противоположность той, нарочитой небрежности.

Он потянулся к кофе, который Анастасия принесла полчаса назад, как всегда, ровно в 9:05. Чашка из тонкого белого фарфора, без единого узора. Кофе — черный, без сахара, температуры, которую можно пить сразу, не обжигаясь. Безупречно. Как все, что делала Анастасия Сергеевна за три года работы на него.

Он сделал глоток. Горечь разлилась по языку, но не смогла перебить тот призрачный, сладковато-терпкий привкус, который, как ему иногда казалось, все еще жил где-то в глубине рта. Он поставил чашку с таким звонким стуком, что сам вздрогнул.

Ему нужно было движение. Нужно было выйти из этого стеклянного саркофага, где стены, казалось, сжимались, напоминая о другой тесноте — тесноте коридора у запасного выхода, где пахло ее кожей.

Он встал и прошелся к окну. Вид был захватывающим: заснеженный город, река, похожая на свинцовую ленту, четкие геометрические линии небоскребов. Он строил это царство. Завоевывал его. А сейчас оно казалось ему картонной декорацией. Ненстоящим.

Его взгляд снова, против воли, потянулся к двери. В этот

момент дверь приоткрылась. Вошла Анастасия. Она несла папку с документами, ее лицо было спокойным и сосредоточенным. Она была в своем обычном рабочем «доспехе»: строгий костюм-двойка цвета слоновой кости, белая блуза с жабо, лодочки на среднем каблуке. Ничего лишнего. Никаких украшений, кроме тонких сережек-гвоздиков. Макияж — безупречный нюд, подчеркивающий правильные черты лица, большие серые глаза и четкую линию бровей. Она была красива, но красотой холодной, отточенной, как скальпель.

— Кирилл Андреевич, документы от юридического отдела по сделке с «Алферовым», — ее голос был ровным, профессиональным, с легкой, приятной хрипотцой... хрипотцой?

Кирилл замер. Хрипотца. Легкая, едва уловимая. Как у той, в клубе, но более сглаженная, лишенная той томной, ироничной глубины. Просто следствие, может быть, утренней простуды или долгого разговора по телефону.

— Спасибо, положите на стол, — сказал он, стараясь, чтобы его собственный голос звучал нормально.

Она кивнула, положила папку на край стола с точностью до сантиметра, развернув ее нужной стороной к нему, и повернулась, чтобы уйти. Ее движения были плавными, экономичными, без единого лишнего жеста. И в этом тоже была грация. Но иная. Не та дикая, интуитивная грация танца или нервной дрожи в коридоре. Это была грация отлаженно-

го механизма.

И все же... когда она поворачивалась, свет из окна упал на ее профиль. Прямой нос, высокий лоб, подбородок с... с легким, едва заметным углублением? Нет, не ямочка. Просто особенность строения. Ничего общего.

Она вышла, бесшумно закрыв за собой дверь.

Кирилл сжал кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Это было безумием. Сравнить Анастасию — свою незаменимую, идеальную, абсолютно предсказуемую сотрудницу — с той богиней хаоса в серебряной маске? Это было оскорбительно для них обеих. Для Анастасии — потому что он сводил ее профессиональные качества к карикатурному сравнению с ночной фантазией. Для Нее — потому что приземлял неземное до уровня утреннего кофе и юридических папок.

И все же... отравленный мозг искал зацепки. Парфюм. Анастасия почти не пользовалась духами в офисе, только легким, нейтральным одеколоном. Он никогда не замечал за ней аромата пиона или льна. Волосы. У Анастасии они каштановые с рыжеватым отливом при солнечном свете, а не черные, как смоль. Рост? Примерно тот же. Телосложение? Возможно. Но сколько таких женщин в городе? Тысячи.

Он грубо провел рукой по волосам, сбивая их с привычной укладки. Ему нужно было перестать. Сейчас. Прямо сейчас.

Он сел обратно за стол, с силой открыл папку и уста-

вился на первую страницу. «СВОДНЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ АКТ...». Он начал читать. Вслух. Монотонно, чтобы заглушить внутренний шум.

Но через три абзаца его взгляд снова пополз к двери. К тому месту, где только что стояла она. И он поймал себя на мысли: а если бы Анастасия носила маску? Если бы скрыла это серьезное, умное лицо за серебряным кружевом? Если бы позволила себе улыбнуться не вежливой, сдержанной улыбкой сотрудника, а той самой, призрачной, ироничной ухмылкой?

Он резко встал, чуть не опрокинув кресло. Это было уже клинически. Он сходил с ума. Один вечер, один поцелуй — и его разум, его главный инструмент, вышел из-под контроля, начал проецировать образ призрака на реальных людей.

Ему нужен был выход. Действие. Прогресс.

Он взглянул на часы. До встречи с владельцем клуба оставалось еще несколько часов. Эти часы нужно было как-то пережить. Сделать вид, что он работает. Для вида.

Он подошел к стеллажу, взял случайную папку с архивными данными по старому проекту, сел в кресло для гостей подальше от своего стола и открыл ее. Может быть, здесь, вдали от соблазна смотреть на дверь, он сможет сосредоточиться хоть на чем-то.

Но стоило ему устроиться поудобнее, как его слух, обостренный до болезненности, уловил звук из приемной. Голос Анастасии. Она говорила по телефону, скорее всего, с

отделом кадров, согласовывая график отпусков. Он не разбирает слов, только тембр. Низкий, ровный, уверенный. И снова эта легкая, профессиональная хрипотца.

Его пальцы непроизвольно сжали края папки. Он закрыл глаза, пытаясь отделить этот голос от того, что звучал у него в памяти. Не получалось. Они смешивались, создавая в голове какофонию.

Он больше не мог этого выносить. Он схватил пиджак, накинул его на плечи и вышел из кабинета, не глядя в сторону стола Анастасии.

— Анастасия Сергеевна, я ухожу на внешнюю встречу. Вернусь к концу дня. Все срочное — на мой email, — бросил он на ходу, не останавливаясь.

Она подняла на него удивленные глаза, но лишь кивнула. — Хорошо, Кирилл Андреевич. Удачи.

Он мотнул головой и почти побежал к лифту. Ему нужно было вырваться. Из этого офиса, из-под пристального, невидимого взгляда собственных галлюцинаций. Ему нужен был холодный воздух, движение, и — главное — конкретные действия. Встреча с Артемом. Зацепки. Факты.

Все остальное — эти дурацкие, навязчивые сравнения, это раздражение от собственной беспомощности — было слабостью. А слабость была единственной вещью, которую Кирилл Морозов не позволял себе никогда. Даже сейчас, даже когда весь его мир перевернулся с ног на голову.

Лифт понес его вниз. Отражение в полированных стенках

показывало мужчину с горящими глазами и напряженным лицом. Охотника, загнанного в угол собственной тюрьмой и рвущегося на волю. На волю, где пахло пионом, льном и пылью клубных коридоров.

Глава 7

День, начавшийся с тихой паники, медленно катился к обеду, но для Кирилла время утратило линейность. Оно то сжималось в тугую пружину, когда он смотрел на часы в предвкушении вечерней встречи, то растягивалось в резиновую, мучительную паузу, когда он пытался и безуспешно вникнуть в работу.

После своего бегства из офиса утром он провел несколько часов в ближайшем бизнес-центре, в арендованном переговорном зале, пытаясь наверстать упущенное. Это помогло, но лишь отчасти. Стеклянные стены были другими, вид из окна — иным, и это создавало иллюзию отстраненности. Но отчет по «Алферову» все равно читался как китайская грамота, в голове непрестанно крутилась мантра: «Пять часов. Только дожить до пяти часов».

К половине второго голод (он пропустил завтрак) и подсознательное желание проверить, не сошел ли он с ума окончательно, загнали его обратно в «Северный Кристалл». Он вошел в офис, стараясь придать лицу привычное выражение холодной сосредоточенности, и прошел к себе, кивнув на ходу нескольким сотрудникам. Они ответили с привычным, чуть подобострастным вниманием. Никто не заметил бурю под спокойной поверхностью. Или, по крайней мере, не подал виду.

Войдя в кабинет, он обнаружил, что его стол приведен в идеальный порядок. Беспорядочные папки, которые он в раздражении оставил утром, были аккуратно сложены стопкой в левом углу. В центре лежал открытый ежедневник с выделенными цветными стикерами ключевыми задачами на день. Рядом — свежая бутылка воды с лимоном и мятой (его странная прихоть, которую Анастасия запомнила с первого раза). Компьютер был разблокирован, на экране — сводка новостей по его отраслям, подготовленная аналитическим отделом. Все было так, как он любил. Так, как было всегда.

И эта безупречность, эта тихая, ненавязчивая забота, вдруг вызвали в нем приступ острой, ничем не обоснованной ярости. Ему захотелось смахнуть все со стола на пол, чтобы нарушить этот мертвый, предсказуемый порядок. Чтобы впустить хоть немного хаоса. Как в ту ночь.

Он сдержался, лишь сжав кулаки. И в этот момент раздался тихий, почти церемониальный стук в дверь. Два четких удара, пауза, и третий — чуть тише. Фирменный стук Анастасии.

— Войдите, — пробормотал он, садясь в кресло и принимая позу занятого человека, уткнувшегося в документы.

Дверь открылась беззвучно. Вошла она.

Анастасия Сергеевна несла поднос. На нем — две чашки: его массивная керамическая кружка для эспрессо (темно-синяя, без узоров, купленная им в Милане) и ее собственная, изящная фарфоровая чашка с цветочным золотым ободком,

из которой она пила чай. А также маленькая тарелочка с двумя миниатюрными макаронами — один кофейный, один малиновый. Это был их негласный ритуал: послеобеденный кофе и краткое, пятиминутное совещание по текущим вопросам. Ритуал, который он сам когда-то ввел для эффективности и которого неукоснительно придерживался годами.

— Ваш кофе, Кирилл Андреевич, — ее голос был ровным, как поверхность озера в безветрие. Она поставила поднос на свободный угол стола, аккуратными, точными движениями расставила чашки, поставила между ними сахарницу (чисто символически, он не пользовался) и маленький кувшинчик со сливками (для нее).

Кирилл сделал вид, что только сейчас отрывается от бумаг. Он поднял взгляд и... застыл.

Она уже повернулась, чтобы взять свой блокнот и ручку с приставного столика, и свет из окна, падавший на нее сбоку, сотворил чудо. Он видел ее в профиль. Длинная, прямая линия спины, не согнутая под тяжестью лет работы за компьютером. Плечи, отведенные назад с легкой, естественной гордостью. Шея... Длинная, изящная шея, выходящая из ворота белой блузы. На ней не было ни цепочки, ни колье. Только гладкая, бледная кожа, по которой скользила тень от завитка волос, выбившегося из безупречного пучка. Только один. Один-единственный, тонкий каштановый локон, закрутившийся спиралью у самого уха.

И ее движения. Она не просто ходила. Она плыла. Каждый

шаг был экономным, но не резким. Поворот головы — плавным. Взять блокнот, открыть его, поправить рукав пиджака — все это было лишено суеты, исполнено с какой-то внутренней, врожденной грацией. Это была не грация танцовщицы (слишком сдержанно), а грация... фехтовальщицы. Точность, баланс, минимализм усилий для максимального эффекта.

Он смотрел, и в его сознание, как раскаленный нож, врезалась мысль: «Она красива. По-настоящему, строго, невыносимо красива». Он знал это, конечно. На каком-то фоновом уровне всегда отмечал, что его секретарь — женщина с безупречным вкусом и внешностью. Но это было знанием, как знанием о цвете стен или маркере офисного кресла. Не имеющим к нему личного отношения. Сейчас это знание ударило его с новой, почти оскорбительной силой.

Его взгляд скользнул ниже, к ее рукам. Длинные, тонкие пальцы без лака на ногтях, лишь с идеальным маникюром натурального оттенка. Она перелистывала страницы блокнота, и суставы ее пальцев слегка выгибались... точно так же, как те пальцы, что впились в его рубашку в зеленоватом полумраке? Нет. Воображение. Галлюцинация. Стоп.

Она почувствовала его взгляд и подняла глаза. Их взгляды встретились. Серые, ясные, немного отстраненные глаза Анастасии. Глубокие, как колодец, но без той таинственной, манящей темноты, что была в прорезях серебряной маски. В ее взгляде читались только готовность к работе и вежливый

вопрос: «Вы готовы?»

Кирилл почувствовал, как по его спине пробежал холодок стыда и раздражения. На кого он пялится? Что он себе позволяет?

— Садитесь, Анастасия Сергеевна, — прозвучал его голос, и он с облегчением услышал в нем привычные, начальственные интонации.

Она села в кресло для посетителей, приняв прямую, но не скованную позу. Блокнот на коленях, ручка в правой руке.

— Благодарю. Начнем с корректировок в вашем графике на следующую неделю. Поездка в Цюрих переносится с вторника на среду, рейс уже изменен. Также добавилась встреча с представителями швейцарского банка в четверг, в 11:00...

Она говорила ровно, четко, излагая факты. Кирилл кивал, делая вид, что слушает, но его внимание было расщеплено. Одна его часть механически регистрировала информацию, другая — вела отчаянную внутреннюю борьбу.

Он отмечал, как она подносит чашку к губам. Тонкие, ровные губы без следов помады. Только легкий блеск гигиенической помады или бальзама. Какой у него вкус? Ванильный? Нет, неважно. «Прекрати!»

Он слышал легкий, едва уловимый звук, когда она отставляла фарфоровую чашку на блюде. Точный, чистый звон. Не как глухой стук его керамической кружки.

Он видел, как при жесте ее рукав пиджака отодвинулся, обнажив тонкое запястье и несколько сантиметров бледной

кожи. На ней не было часов. Почему он это заметил?

— ...поэтому я предлагаю перенести внутреннее совещание на пятницу, освободив вам четверг для подготовки к переговорам с Алферовым. Вы согласны, Кирилл Андреевич?

Он вздрогнул.

— Что? Да, конечно. Сделайте, как считаете нужным.

Она чуть склонила голову, и тот самый выбившийся локон коснулся ее щеки. Она машинальным, но изящным жестом закинула его за ухо. И в этом жесте, в плавном изгибе пальцев, было что-то... знакомое. Что-то от той легкости, с которой «Серебряная Тень» поправляла свой пучок после их поцелуя.

Кирилл ощутил прилив жара к лицу. Это было невыносимо. Его собственный мозг предавал его, находя эхо одного образа в другом, совершенно не связанном. Он должен был прекратить это. Сейчас же.

— Все на сегодня, Анастасия Сергеевна, — сказал он резко, чем планировал. — Остальное — по email.

Она не моргнув глазом восприняла внезапное окончание встречи, которая обычно длилась ровно десять минут.

— Как скажете. — Она встала, закрыла блокнот, взяла свою чашку и блюдце. — Мне оставить вашу кружку?

— Нет. Унесите, — бросил он, отворачиваясь к окну, чтобы больше не видеть ее, не видеть этих навязчивых, безумных параллелей.

— Хорошо. Есть еще поручения?

— Нет.

— Тогда до завтра, Кирилл Андреевич.

Он услышал легкий шелест ее одежды, мягкие шаги, щелчок закрывающейся двери. Только тогда он позволил себе выдохнуть, сжавшись в кресле, как после тяжелой схватки.

Его кофе остыл. Он все равно взял кружку и сделал большой глоток. Горечь была уже не стимулирующей, а унылой.

Он просидел всего три минуты в обществе своей сотрудницы. И эти три минуты оказались изматывающими. Его разум, искавший хоть какую-то зацепку в реальном мире, начал проецировать образ призрака на первого попавшегося человека, который хоть чем-то — ростом, осанкой, цветом волос — мог его напомнить. Это был тупиковый, опасный путь. Он вел не к ней, а к профессиональной катастрофе и личному сумасшествию.

Кирилл встал и снова подошел к окну. Город жил своей жизнью. Где-то там, среди миллионов огней, была она. Та, настоящая. А здесь, за его спиной, в идеально организованном офисе, была Анастасия. Две вселенные, не имеющие ничего общего. Он должен был провести между ними четкую, непроницаемую границу.

Он взглянул на часы. До встречи с владельцем «Маски» оставалось чуть больше двух часов. Эта встреча должна была дать ему направление. Конкретную информацию. И тогда эти абсурдные, предательские мысли об Анастасии уйдут сами собой. Потому что у него будет реальный объект для по-

иска. Реальная женщина. А не тень, которую его воспаленное сознание пыталось разглядеть в каждой темноволосой женщине с прямой спиной.

Он твердо решил: после сегодняшней встречи он начнет действовать. Системно, хладнокровно, как и подобает ему. А все эти всплески раздражения, невольные наблюдения и сравнения — это слабость. И слабость нужно давить. Беспощадно.

Он повернулся к столу, к отчету по «Алферову». На этот раз он схватил документ с такой силой, что чуть не порвал страницу. Он заставит себя прочитать. Слово за словом. Цифру за цифрой. Он вернет себе контроль. Над работой. Над вниманием. Над собой.

Но даже углубившись в колонки цифр, он не мог отделаться от одного навязчивого ощущения: в воздухе кабинета все еще витал легкий, почти неуловимый аромат. Не пиона и льна. А чего-то другого. Чистого, свежего, как снег на сосновых иголках. Аромат, который оставила после себя Анастасия. И почему-то этот запах казался ему теперь невыносимо знакомым.

Глава 8

Клуб «Маска» днем был другим существом. Бездыханным, спящим. Гулкая тишина в огромном зале, где еще пахло вчерашними духами, табаком и слабым, едким ароматом чистящих средств. Шторы были плотно задёрнуты, лишь кое-где пробивались лучи зимнего солнца, выхватывая из полумрака пустые столики, бестелесные стулья и блестящий пол, отполированный до зеркального блеска. С потолка, как хищные птицы, свисали немые головки световых и звуковых установок.

Кирилл стоял в центре этого храма сизифовых увеселений и чувствовал, как его надежды, натянутые как тетива за последние сутки, начинают беззвучно лопаться одна за другой.

Олег нервно переминался с ноги на ногу рядом с ним. А напротив, облокотившись о стойку бара, стоял Артем, владелец. Мужчина лет пятидесяти, с седыми висками, умным, усталым лицом и глазами, видевшими слишком много, чтобы чему-то удивляться. На нем был простой черный свитер и дорогие часы. Маска ему была не нужна и днем.

— Повторяю, Кирилл Андреевич, — голос Артема был спокойным, почти сочувственным, что бесило Кирилла еще больше. — Мы проверили записи со всех камер. Основной зал, вход, гардероб, VIP-зону, даже служебные выходы. Вашу... «Серебряную Леди», как ее теперь у меня прозвали, —

он чуть усмехнулся, — видно лишь фрагментарно и всегда в маске.

Он повернул к ним ноутбук, стоявший на баре. На экране черно-белое изображение. Камера у входа. Толпа. И среди нее — смутный силуэт в темном платье, лицо скрыто под серебряным пятном. Она поднимается по лестнице в VIP.

— Вот она входит. Платит наличными. Без карты. Вот — в баре заказывает шампанское. Опять наличные. Вот — танцует с вами... — Артем пролистал запись. Кадры были темными, зернистыми. Две смазанные фигуры, почти неотличимые от других. — Вот вы ведете ее в VIP. И... все.

— Что значит «все»? — прорычал Кирилл. — Она же ушла! Через запасной выход в коридоре у... у подсобок. Там должна быть камера!

Артем вздохнул, как взрослый, объясняющий ребенку, что Деда Мороза не существует.

— Там камера есть. Но она... не сработала. Технический сбой. Произошел как раз в промежуток между 01:15 и 01:45. Ровно в то время, когда, по вашим словам, вы с ней там были.

Ледяная волна прокатилась по спине Кирилла. Сбой. Слишком удобный сбой.

— Вы хотите сказать, что она...

— Я ничего не хочу сказать, — Артем поднял руки в умиротворяющем жесте. — Я констатирую факт. Камера не работала. Записи нет. На выходе с улицы камер нет вообще — это запасной выход в переулок. Она вышла и растворилась.

— А уличные камеры? — не сдавался Кирилл. — В переулке, на соседних улицах! Полиция...

— Кирилл, — жестко вмешался Олег, хватая его за локоть. — Остынь. Ты о чем? Подключать полицию из-за того, что тебе понравилась девушка в клубе? Артем и так пошел навстречу.

— Она не «девушка в клубе»! — вырвалось у Кирилла, и эхо качнулось по пустому залу. Он заставил себя взять себя в руки, сделать глубокий вдох. — Артем, извините. Я... ценю вашу помощь. Но нет ли других способов? Официанты в VIP? Бармен, который обслуживал наш столик?

Артем покачал головой.

— Бармен в VIP в тот вечер — Саша. Он помнит вас. Помнит, что вы заказывали коньяк. Девушку... — он пожал плечами. — Он говорит: «Темноволосая, в маске, тихая». Больше ничего. Она не привлекала внимания. Вела себя... как призрак.

Последнее слово повисло в воздухе тяжелым, зловещим звоном. Призрак. Именно это она и хотела. Быть мимолетным впечатлением. Неосязаемым воспоминанием. И у нее это блестяще получилось.

Кирилл почувствовал, как почва уходит из-под ног. Все его планы, вся его уверенность, с которой он шел на эту встречу, разбилась о холодную стену реальности. Ни имени. Ни лица. Ни машины. Даже на камерах — только тень. Она словно вынырнула из параллельного мира на несколько ча-

сов и так же бесследно в него вернулась.

— Спасибо, Артем, — голос Кирилла был теперь плоским, безжизненным. — За потраченное время.

— Не за что, — Артем кивнул. В его взгляде читалось нечто среднее между любопытством и сожалением. — Если что вспомнится... но, думаю, вряд ли. Удачи.

Олег что-то говорил Артему на прощание, шутил, пытается снять напряжение. Кирилл не слышал. Он повернулся и пошел к выходу, его шаги гулко отдавались в пустом помещении. Он вышел на холодный воздух, и ветер со снежной крупой ударил ему в лицо, но не смог развеять туман отчаяния, опустившийся на него.

Через несколько минут к нему подошел Олег.

— Ну что, убедился? — спросил он без прежних подначек. — Чудес не бывает. Она — фантом. Красивый, загадочный, но фантом. Пора возвращаться к реальности, дружище. У тебя там сделка века на носу.

Кирилл молчал, глядя на поток машин. Реальность. Какая реальность? Та, где цифры в отчетах имели смысл? Та, где его секретарь приносила кофе с безупречной точностью? Эта реальность после той ночи казалась ему черно-белой копией, подделкой.

— Да, — наконец сказал он. — Ты прав. Пора заканчивать с этим.

Олег облегченно вздохнул и похлопал его по плечу.

— Вот и умница. Поехали, выпьем чего покрепче кофе,

обсудим Алферова.

— Я... я сначала заеду в офис, — солгал Кирилл. — Мне нужно кое-что доделать. Встретимся вечером.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.